

ПРОБЛЕМА ДУХОВНОГО ЕДИНЕНИЯ СЛАВЯН В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

О.Д. Маслобоева

Аннотация. В статье раскрывается актуальность проблемы этнического самосознания, получившая второе дыхание в XIX в. по причине разворачивавшейся индустриализации в результате промышленной революции. Она дала импульс процессу глобализации, усиливающей взаимозависимость социальных субъектов. Сложность возникшей проблемы была связана с потребностью пробуждения молодого по сравнению с западноевропейскими народами духа славян. Историческая молодость обострила в славянской культуре рефлексию мировоззренческой трансформации, связанной с необходимостью выработки нового органического мировоззрения.

Эмпирически наблюдаемым проявлением этой рефлексии стало проведение славянских съездов в XIX – начале XX вв. Особенное раздражение в западной прессе вызвал славянский съезд 1867 г. в Москве, проведенный на базе Всероссийской этнографической выставки и зафиксировавший начало перехода жизни славянства к неклассическому типу рациональности, связанной с развитием антропологии и индустриализационных процессов. Их интернациональная сущность вместе с тем востребовала и переход от созерцательного типа мировоззрения к деятельностному. Наиболее адекватное отражение все эти процессы нашли в российском органицизме как концептуальном основании исторической потребности развития национального самосознания посредством духовного единения славян в контексте глобализованного мировоззрения, рефлекслируемого отечественными мыслителями в сотворчестве с другими славянскими деятелями культуры.

В условиях глобализационных процессов, провоцировавших стандартизацию жизнедеятельности человека, защита национальной индивидуальности существенно осложнялась. Проблемой становилась и актуализация духовно-интеллектуального опыта, аккумулированного в российском органицизме личности на любом уровне бытия славянских социальных субъектов и состояния их духа. При этом задача сохранения молодой по историческим меркам славянской культуры, как и индивидуальности создавших её народов, была весьма значимой, так как речь шла о полном преодолении устаревшей механистической парадигмы.

Ключевые слова. Славянские съезды, историческая молодость славян, возрастной принцип анализа истории, духовное единение, национальное самосознание, органическое мировоззрение, российский органицизм.

«Полнее сознавая прошедшее, мы уясняем современное; глубже опускаясь в смысл былого, раскрываем смысл будущего; глядя назад – шагаем вперёд...»

А.И. Герцен

ХIX в., переживающий первые последствия промышленного переворота, наращивавший индустриализацию, дал импульс процессу глобализации человеческой деятельности, усиливающей взаимозависимость социальных субъектов. Принципиальное изменение места человека в мире требовало мировоззренческой трансформации, что всегда предполагало рефлексию смыслов человеческой жизни. Николай Николаевич Страхов как философ науки и мыслитель – органицист, 190 лет со дня рождения которого исполняется в этом году, давал очень строгую оценку своему времени: «Наш век хочет познавать, но упорно отказывается мыслить...» [Страхов, 1892: XIX].

При этом сам Н.Н. Страхов, наряду с другими мыслящими современниками, вполне осознавал, насколько в XIX в. нарастала актуальность развитости самосознания как отдельной личности, так и любой этнической общности, они прозревали грядущее антропологическое единство и наук, и человечества, в первую очередь теми мыслителями, которые уже в первой половине XIX в. составили генетическое ядро органицизма [Маслобоева, 2014]. В частности, один из них, Д.В. Веневитинов, писал о будущем слиянии всех отраслей знания в центральную «идею о человеке» и «в одну науку самопознания» [Веневитинов, 1980: 127].

Теперь, как отмечал талантливый публицист XIX в. Е. Эдельсон, забота человека не могла ограничиваться лишь предохранением себя и своих ближних от превратностей рока, без сил влиять на далёкое будущее..., но выступал как сильный деятель, ответственный за будущее [Эдельсон, 1860: 8]. Не случайно и то, что Всероссийская этнографическая выставка 1867 г. была призвана способствовать росту «народного самосознания» на основе использования этнографической

науки, нацеленной на изучение племенных особенностей и любой степени общности [Всероссийская этнографическая выставка ... , 1867: 86-87]. Важно отметить, что организационная стратегия указанной выставки уже в середине XIX в. прокладывала дорогу междисциплинарности, включая в своё содержание единство этнографического и антропологического материалов, при этом антропология рассматривалась как «венец естественных наук» [Всероссийская этнографическая выставка ... , 1867: 81].

Насущность обозначенной исторической потребности подтверждалась совпадением научного и житейского интереса к этнографической выставке, что подчеркнул в день открытия выставки в своём вступительном слове на заседании Общества любителей естествознания его президент – Г.Е. Щуровский. Как известно, всё познается в сравнении. Так и в деле выработки этнического самосознания невозможно обойтись без выявления сходства с родственными племенами и разной степени различия с иными этносами, в связи с чем в речи В.А. Дашкова, председателя комитета по устройству Русской этнографической выставки, специально подчёркивалось, что «изучение русских без изучения славян немыслимо, и будет только отрывочным» [Всероссийская этнографическая выставка ... , 1867: 44].

На выставке, как известно, был представлен этнографический и антропологический материал не только по славянскому этносу, но и иным народностям России, что отразило принцип сосуществования различных национальных культур с русской культурой, обладающей особой способностью гармонично синтезировать разнородное культурное пространство своего ареала, что отмечалось рядом выдающихся деятелей культуры. В речи профессора В.И. Ламанского на торжественном обеде в честь открытия выставки говорилось о том, что выставка – это научное предприятие, выражающее «нынешнее пробуждение русского народного самопознания» и демонстрирующее учёным практическую актуаль-

ность историко-этнографического исследования народонаселения России, начиная с первобытных её обитателей и вплоть до современных взаимоотношений русского народа как с соплеменниками, так и инородцами.

При этом Ламанский подчёркивал, что Москва, гостеприимно принимая у себя участников славянского съезда, тем самым способствует объединению славянских народов, выражая уважительное отношение к их культурным особенностям и историческим правам [Всероссийская этнографическая выставка ... , 1867: 87]. Аксиологическая ценность Всеславянского съезда в Москве, нацеленного на развитие племенного самосознания, фокусировалась в идеале свободы, понимаемой не в узко прагматическом, политическом смысле, а в фундаментальном философско-антропологическом её содержании. «Важно, что интересы чистого знания, науки ссылают в Москву славянских представителей, – провозгласил в своей речи В.И. Ламанский. – Где наука, там свобода убеждения, свобода мысли и слова. Ссылая славянских представителей во имя науки, Москва, значит, собирает славян под знамя свободы» [Всероссийская этнографическая выставка ..., 1867: 86].

Гротескным диссонансом по отношению к мотивам и целям организаторов выставки звучали голоса недружественной западной прессы, что только подтверждало аксиологическую значимость выставки и самого съезда. Так, например, во львовском *Dziennik Polski* писалось о том, что проведение этнографической выставки в Москве преследует чисто политическую цель показательной демонстрации Европе солидарности славян и что к науке это мероприятие не имеет никакого отношения. Уже в то время русофобская ненависть, которая, как известно, глаза застит, была пропечатана со всей предвзятой и несправедливой прямолинейностью: «Основа всякой науки есть истина, а руководящая мысль этой выставки, как и всех русских учреждений, есть ложь. Ложь – это солидарность славянских племён под русским протекто-

ратом» [Всероссийская этнографическая выставка ... , 1867: 101].

На все подобно рода нападки достойный ответ дал, прежде всего, В.А. Дашков, констатируя, что «нам не привыкать» сталкиваться с разного рода подозрениями относительно вполне добрых наших намерений, включая даже те, которые нацелены на развитие науки, подозрениями, исходящими «от народов западных и их клиентов. На всё это русский человек привык отвечать делом и спокойным сознанием своей правды» [Всероссийская этнографическая выставка ... , 1867: 45]. Таким делом, в частности, стало издание «Славянских сборников» в 1875-1877 гг. по инициативе С.-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета, который в 1877 г. был преобразован в Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество, поскольку славянские съезды объективно выливались в практическую повседневную культурно-просветительскую деятельность по объединению славян в различных её формах.

Первый том «Славянского сборника» был издан под протекцией Н.Н. Страхова. Знаменательно, что и десятилетие спустя после состоявшегося в Москве Славянского съезда сохранялась нагнетаемая Западом напряжённость вокруг любого славянского дела, поскольку в предисловии к сборнику Страхов вынужден был восклицать: «Как будто одни только политические интересы и существуют на свете, как будто никто уже и не может питать чистый духовный интерес!» Русофобство средств массовой информации западных стран, по его мнению, было не только странным. Оно было настолько бессмысленно узким, что никак не могло принадлежать «действительно сочувствующим славянскому делу» [Славянский сборник, 1875: V].

Сосредоточенность на чисто политических интересах, по мысли Страхова, способна только подорвать формирование внутреннего единства славянского самосознания, что важно было понимать, прежде всего, тем, кто радел за это единство. Мыслитель, по сути, призывал насто-

женно и критически относиться к любым попыткам эксплуатировать национальные чувства с политическими целями и подчинять их мнимым государственным интересам, справедливо считая, что это может только извращать национальное самосознание. Страхов поднимает в этой связи проблему соотношения политических и собственно духовных интересов славянских наций, которая ещё более актуально звучит сегодня, когда современный человек, упиваясь своей научно-технологической силой и благодаря этой силе всё более погружаясь в пучину потребительской психологии, нередко склонен забывать, что он человек – существо разумное и социальное.

Сфера политики по природе своей сосредоточена вокруг публичной власти, то есть власти над обществом, что не только провоцирует, но и порождает склонность власть предержащих манипулировать другими людьми. А в условиях глобализации человеческой деятельности – и другими народами. Томас Манн выражал в своё время надежду на то, что настанет время, когда народы будут благословлять друг друга самыми драгоценными богатствами – своими индивидуальными качествами. Германский писатель конкретизирует свою идею, определяя индивидуальность народов как «прекрасный англичанин, утончённый француз, человечный русский и знающий немец».

Сама по себе эта идея вполне продуктивна, особенно в условиях современной глобализации жизни человечества, сущность которой заключается в усилении взаимозависимости социальных субъектов. Да и к оценке собственной индивидуальности со стороны имеет смысл прислушаться: не стоит нам отказываться от нашей человечности в угоду деформирующему давлению сугубо политических интересов. Поэтому нельзя не согласиться со Страховым, что России и в политическом отношении невыгодно отказываться от бескорыстия и духовных интересов.

«Так и в славянском вопросе, – пишет Страхов, – если нам суждено принести по-

литическую пользу нашим братьям или принять такую пользу от них, то только под условием, что мы будем думать, прежде всего, о нашем духовном развитии. О том интересе, в котором без всяких разногласий и взаимных расчётов могут быть с нами заодно все славяне». Резюмируя свою мысль, Страхов призывает, обращаясь к жителям всех стран на Востоке и Западе: «Вместо того, чтобы думать только о политических отношениях славян к Западу, о модном в настоящее время решении вопросов кровью и железом, устремим наше внимание на задачи чисто духовного свойства» [Славянский сборник, 1875: VI].

Народ не может быть силён только одной государственностью, убеждён Страхов, ибо не здесь душа его, а в нравственно-эстетическом чувстве, которое воспитывается многовековым опытом хозяйствования на родной земле и выражается в артефактах основных элементов духовной культуры. Для тех, кто особенно ныне убеждён, что только материальная сила, воплощающая политическую волю, правит миром, хорошим ответом будет формулировка закона обратного пропорциональной зависимости материальной и духовной энергии, выведенного ещё одним органицистом XIX в., В.Ф. Одоевским, в его философском романе «Русские ночи». Исходя из представления о целостности бытия и соответствующей «постепенности природы», он резюмирует, что из неё рождается самый мощный и главный её деятель – это дух: дух человеческий, дух эпохи, дух племенной.

Как бы в подтверждение данного закона Страхов приводит в пример судьбу Германии, которую нацеленность на эффективность объединённой государственности привела к определённому падению уровня духовной жизни. Из этого нравоучительного примера мыслитель делает вывод, актуальный и ныне: «Итак, прежде всего и выше всего нам следует ценить верность славянским началам, сохранение народного духа» [Славянский сборник, 1875: VII]. Пример с Германией, приведенный в предисловии

к I тому «Славянского сборника» имеет дополнительный концептуальный смысл.

Страхов обращает внимание на то, что в XIX в. проблема национально-этнического единения и развития самосознания в этом направлении актуализируется. Первый славянский съезд, состоявшийся в Праге в 1848 г., был непосредственно обусловлен проявлением данной потребности в рамках Австрийского государства, представлявшего собой федерацию разных народов под немецким управлением. Чехия, которая за два века до этого распространилась со своей самостоятельностью, активно онемечивалась посредством двух рычагов австрийской политики: католицизма и германизации. В результате православные чехи рассматривались как еретики и подверглись изощрённым преследованиям, лишаясь всех прав гражданства в городах, не имея возможности заниматься ремёслами и торговлей, заключать законные браки, пользоваться благотворительными заведениями, оформлять духовные завещания и т.п. [Славянский съезд в Праге в 1848 г., 1860: 2].

Однако наиболее чувствительным ударом для национального самосознания было запрещение использовать иные языки, кроме немецкого. В материалах пражского славянского съезда отмечалось, что забвение родного языка разрывало «вечно живущую связь между всеми племенами одной семьи» и угрожало элиминации самого вопроса о национальности. И только тот факт, что австрийское правительство продолжало наращивать градус насилия по отношению к чехам, привело к обратному эффекту – пробуждению национального сознания чехов, включающего работу над языком [Славянский съезд в Праге в 1848 г., 1860: 3].

Однако следует отметить, что начавшееся пробуждение чешского народа было обусловлено не столько действиями австрийского правительства, сколько толчками промышленного переворота, радикально менявшего роль социального субъекта в мире, что привело в движе-

ние национальное самосознание. В частности, это проявлялось в стремлении Венгрии выйти из-под власти австрийского императора, но что поразительно, при этом мадьяры боялись единения славян, видя в этом возглавляемый Россией панславизм, и стремились разобщать славянские народы, отказывая им в праве на политическую самостоятельность. В 1848 г. в Австрии начались всеобщие волнения, когда в результате освобождения крестьян изменились отношения различных классов и национальностей Австрийской империи, которые стали требовать равенства прав. Немецкая либеральная партия Австрии стремилась присоединиться к Германской империи. Итальянские провинции Австрии жаждали воссоединиться со своим народом [Славянский съезд в Праге в 1848 г., 1860: 5-7].

Национально объединительные устремления народов были вполне осознанными именно как форма активизирующегося самосознания. И поразительно, что именно славянскому племени столь же осознанно было отказано в праве удовлетворения очевидно назревшей исторической потребности по причине всё той же обывательской близорукости, сводящей суть дела к чисто политическим интересам. Так, в связи со Славянским съездом в Москве в мае 1867 г. венгерская газета *Pesti Naplo* писала: «Эти панслависты ошибаются, если думают, что мир посмотрит на их движение теми же глазами, какими смотрит на стремление к единству итальянцев и немцев; из их движения может произойти лишь один результат – сосредоточение колоссальной физической силы в руках Царя, который употребит её на задержание успехов образования и свободы в остальной Европе. Такое движение не только не найдёт себе симпатии среди образованных наций мира, но создаст из них великую лигу, которая станет плотиной против новых вторжений варварства» [Всероссийская этнографическая выставка ... , 1867: 101].

Однако именно славянские народы, как никто другой, нуждались в развитии

своего самосознания по причине своей исторической молодости в сравнении со «зрелым» Западом и «дряхлым» Востоком. Зафиксированные первым упоминанием византийским историком VI в. Прокопием Кесарийским, славяне и их роль в истории, пожалуй, наиболее концептуально были осмыслены российским органицизмом и затем выраставшим из него космизмом. Произошло это на основе методологически разработанного Т.Н. Грановским принципа анализа истории.

Особенности славянской судьбы сформулировал в своих психологических заметках В.Ф. Одоевский следующим образом: «...Мы дети с опытностью старца, но всё-таки дети: явление небывалое в летописях мира, которое делает невозможным все исторические исчисления и решительно сбивает с толка всех европейских умников, принимавшихся судить о нас по другим!» [Сакулин, 1913: 591] Ещё более предметно и открыто об этом говорил и писал патриарх славянских гостей Московского съезда 1867 г. Ян Коллар. «Славяне – народ молодой, позже других европейских народов появившийся на поприще исторической деятельности, – утверждал он. – Поэтому он ниже некоторых из них в образовании, но зато он свежее, и перед ним открыта широкая будущность. Славяне должны внести свою долю участия в развитие человечества» [Первый Всеславянский съезд в России ..., 1867: 164-165].

В силу своей исторической молодости славяне, у которых, по утверждению Л. Штура, нет ничего, как на Западе, искусственно сделанного, ... всё это скорее самовольное изливание сердца, особо нуждались именно в духовном единении. Это подчёркивали Н.Н. Страхов, призывавший держать эту цель в фокусе славянской культуры и настойчиво трудиться во имя её достижения. Осуществление этой цели существенно осложнялось противодействием Запада, задерживавшего и деформировавшего развитие самостоятельной славянской культуры. Страхов считал это влияние чрезвычайно опасным, так как оно могло, по его мнению, «изглаживать

в умах самую мысль о духовной самобытности славян» [Славянский сборник, 1875: VI-VII].

Славянофильскими лидерами акцентировалась определяющая роль духовного единения славян в деле свободного развития их молодого по историческим меркам национального самосознания, без чего невозможным было полноценное функционирование их культуры во всех её духовных и материальных проявлениях. Раскрывая опасность влияния этнографического окружения на славянскую культуру, Страхов одновременно подчёркивал стойкость славянского духа вопреки всем угрозам его существованию, о чём свидетельствовали объективные факты истории. Несмотря на всю мощь и несоизмеримо длительный опыт исторического развития германороманской Европы, а также на весь фанатизм и грубую силу Турции, те славянские племена, которые непосредственно подвергались воздействию этих чуждых культур, сохранили свою индивидуальность. Страхов считает весьма ценным и поучительным для русских изучать стойкость этого славянского духа со всеми перипетиями его развития и «подробностями его борьбы с чуждыми ему стихиями» [Славянский сборник, 1875: V].

Жизнестойкость и самобытность славянского духа подтверждает, что духовное единение славян – это *внутренний славянский интерес* [Славянский сборник, 1875: V]. В данном случае под интересом выступала осознанная потребность, которая могла проявляться в самом широком диапазоне: от адекватного её понимания до извращённого, что определялось системой ценностей и идеалов социальных субъектов – носителей соответствующей активности. Мотивация внутренним интересом означает соответствие деятельности субъекта своим природным, то есть естественным потребностям, тесно связанным с инстинктом самосохранения и стремлением к самосозиданию.

В тех случаях, когда верх брали мотивы, условно говоря, внешних, не укоренённых в природе субъекта интересов,

что детерминировалось в первую очередь духом наживы и потребительства, завистью и ненавистью. В таких случаях формировалось извращённое осознание исконных потребностей субъекта, провоцировавшее стихию его саморазрушения. Извращённое осознание потребности в национальном самосознании и самоопределении, не отвечающее откровенно на вопрос, какого мы роду-племени, всегда выливалась в агрессию по отношению к собственной культурной инаковости и, в конечном счёте, в геноцид против собственного народа, который в силу близости к вековым ценностям своего этнического взросления чувствует правду.

Адекватное осознание этой потребности влечёт к взаимодействию с иными культурами посредством понимания, что это основа основ расцвета собственной культуры. В условиях глобализации человеческой деятельности, как по причине наращивания её технологической оснащённости, так и в связи с углублением взаимозависимости между социальными субъектами, созидательность духовного единения близких по своему племенному корню культур, равно как и разрушительность извращённого осознания потребности в самостийности многократно возрастает. Самосознание социального субъекта – это стержень его мировоззрения, при всей уникальности которого оно типологизируется в силу наличия в нём общечеловеческого содержания, определяясь духовно-телесной природой человека, а также конкретно-историческим уровнем социальной практики.

Если до промышленного переворота принципиальное значение имела мировоззренческая дифференциация материалистов и идеалистов, то в индустриальную и постиндустриальную эпоху эта дифференциация проявляется в снятом виде, актуальным же становится противостояние носителей механистического и органического мировоззрения, что подразумевает определённую теоретико-методологическую установку, полноценно формирующуюся в аксиологическое содержание противоположности созер-

цательного и деятельностного типов мировоззрения [Masloboeva, 2014].

Классически чётко теоретико-методологическое соотношение данных видов мировоззрения выразил Н.О. Лосский в работе «Мир как органическое целое» [Лосский, 1991: 340-342]. С точки зрения механистического мировоззрения, мир – это арифметическая сумма составляющих его частей, имеющих между собой только внешнюю связь рядоположенности. Соответственно, исчезновение одной какой-либо части скажется только на количественных параметрах мира, не затрагивая принципиально его качества.

С точки зрения органического мировоззрения, мир обладает внутренней целостностью в силу сущностного единства, которое детерминирует составляющие его элементы, взаимосвязанные между собой, взаимно обуславливающие друг друга и продуцирующие синергичный эффект своего функционирования. Органическое мировоззрение востребует от субъекта осознание все меры ответственности за свою активность, ибо её последствия неизбежно сказываются на качественной трансформации всего мироздания, что и составляет аксиологическое содержание деятельностного типа мировоззрения, ставшего актуальным по итогам промышленного переворота.

Важную роль в рефлексии исторически востребованного с XIX в. мировоззрения сыграл Н.Н. Страхов, особенно своей программой для формирования русского органицизма статьей «Органические категории». Поэтому не случайно при подведении итогов анализа причин и значения Первого Всеславянского Съезда в России утверждается: «...Уразумение и изучение славянского мира является насущною необходимостью настоящего времени: славянское движение к соединению не случайность – это зрелость организма, и, следовательно, прямо органическое развитие» [Первый Всеславянский съезд в России ... , 1867: 175]. Сам Страхов в обосновании «внутреннего интереса» славянского дела акценти-

ровал, что «всё связано органически». По его словам, поэтому важно было сознавать, что русская культура – это составляющая единого мира, включающего в себя «всякую славянскую народность». И изучение этого мира важно для России «как проявление той жизни, которою мы сами живём, как свидетельство о её силе и неистощимости» [Славянский сборник, 1875: IV].

Органическое мировоззрение служит верным ориентиром в решении важнейшего для славянского мира вопроса о взаимоотношении с Западом, влияние которого трудно переоценить. «Мы, славяне, – утверждает Страхов, – окружены им как воздухом, и Запад проникает в нас со всех сторон. Ежедневно мы читаем книги Запада и пропитываемся их способом выражения, их образом мыслей, их складом ума. Если бы кто пожелал отделаться от всего этого и быть вполне самостоятельным, тот предпринял бы труд едва возможный. И напрасно думать, что всё это одна безразличная внешность, нечто общее, космополитическое и потому невинное (бесцветное). Все связано органически; форма тут отражение сущности. И кто принимает форму, тот заражается и сущностью» [Славянский сборник, 1875: VII].

Так как же в такой ситуации славяне могут сохранять и развивать свою самобытность? Страхов в своей рефлексии органических категорий напрямую указывает на диалектическое содержание выражаемого ими мировоззрения [Страхов, 2009: 122-123], поэтому и способ разрешения противоречия между славянской и романо-германской культурой он предлагает диалектический, то есть когда должна преобладать не борьба, а единство противоположностей, стремление к взаимопониманию. И сама борьба с Западом иногда опаснее, чем неведение и равнодушие.

Односторонняя ставка на борьбу противоположностей как антагонистический способ разрешения противоречий приводит именно к уничтожению одной из противоположностей, что одновременно означает гибель самой системы,

состоящей из этих противоположностей. Так что уничтожение или самоуничтожение славянской культуры трагично и для романо-германского мира. Органическое мировосприятие для своего формирования и развития востребует антропологию в её конкретно-научном и философском содержании. Именно философская антропология призвана формировать зрелое самосознание человека как гражданина мира [Кант, 1966: 351-352].

По-видимому, не безосновательно уже упоминавшийся Ян Коллар утверждал: «Славянам суждено примирить мир древний с миром новым, воспринять в народную жизнь свою две разрозненные стихии образованности и дальнейшего их развитием, во благо человечеству, основать новую эпоху; они послужат новым, живым средоточием при развитии новой или, лучше, обновлённой образованности человечества. Славяне одарены всеми способностями для исполнения этого высокого своего назначения. ... Их язык соединяет в себе логическую точность языков новой Европы с музыкальным течением речи древних. Все способности духовной природы человека в славянине уравновешены. ... Наконец, славянин, не выходя из своего племени, имеет удобнейший случай воспитать себя в духе человечности, воспарить постепенно до высокой точки зрения всечеловеческой» [Первый Всеславянский съезд в России ..., 1867: 164-165].

Факты истории культуры XIX в. свидетельствуют о застарелости проблемы взаимного недопонимания России и западноевропейских стран, которая усугубляется по мере развёртывания процессов глобализации, поскольку, с одной стороны, это усиливает взаимозависимость социальных субъектов, а, с другой, провоцирует тенденцию стандартизации жизнедеятельности этих субъектов. Плодотворная взаимозависимость элементов в системе предполагает саморазвитие элементов в их индивидуальности, что соответствует органическому мировоззрению. В свою очередь, тенденция стандартизации способствует самодовлению одних элементов над другими,

что соответствует механистическому мировоззрению.

Русский органицизм с первых шагов его становления в начале XIX в., исходя из принципа всеобщности жизни, обосновывал, что подлинная жизнь – это жизнь субъективного, если не сказать, что вообще жизнь – это и есть жизнь субъективного, но которое невозможно без объективного. Сама субъективность, по учению Д.М. Велланского, А.И. Галича, М.Г. Павлова и других органицистов, есть результат деятельности органической целостности и её сверхсистемного эф-фекта.

Самобытность каждого народа, по мнению Одоевского, «не должна мешать свободному общению народных организмов», к чему «стремятся народы по мере развития просвещения» [Сакулин, 1913: 561]. Отзывчивость и открытость юной по историческим меркам русской души позволила отечественным мыслителям наиболее чутко среагировать в XIX в. на

потребность в новом, органическом мировоззрении, не впадая при этом в биологизаторство, как это случилось в эволюции позитивизма.

Однако, несмотря на то, что механистическая парадигма отжила свой век в доиндустриальную эпоху, она продолжает властвовать в жизнедеятельности тех социальных субъектов, которым, по видимому, чуждо просвещение и работа над развитием собственного духа. Лекарство от этой застарелой болезни даёт теоретическая рефлексия органически деятельностного типа мировоззрения, ядро которого можно выразить, используя метод от противного. Это значит, что, исходя из собственной близорукости и узколобого стремления к материальной выгоде, нельзя манипулировать ни отдельным человеком, ни каким бы то ни было народом или государством, и поступать с ними так, как нам это заблагорассудится сильному.

Список литературы:

- Веневитинов Д.В. Стихотворения. Проза. М.: Наука, 1980. 608 с.
- Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 года. М.: Университетская Типография (Катков и К.) на Страстном бульваре, 1867. X. 470 с.
- Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. Соч. в 6 тт.: Т.6. М.: Мысль, 1966. С. 349-588.
- Лосский Н.О. Мир как органическое целое // Избранное. М.: Изд-во «Правда», 1991. С. 335-480.
- Маслобоева О.Д. Российский органицизм и космизм: теория, методология, мировоззрение // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 10-3 (48). С. 132-138.
- Одоевский В.Ф. Русские ночи. М.: Наука, 1988. 317 с.
- Первый Всеславянский съезд в России: Его причины и значение: В 4 отд. / Сост. Русским славянином. М.: тип. Шюман и Глушкова, 1867. [2], XVIII, 178 с.
- Сакулин П.Н. Из истории русского идеализма: Князь В.Ф. Одоевский: Мыслитель – писатель. Т. 1. М.: М. и С. Сабашниковы, 1913. Т.1. Ч.1. VI, 616 с.
- Славянский сборник. Том первый. СПб. 1875. X, 632 с.
- Славянский съезд в Праге в 1848 г. СПб., 1860. 49 с.
- Страхов Н.Н. Мир как целое. Черты из науки о природе. СПб.: тип. бр. Пантелеевых, 1892. XXVI, 582 с.
- Страхов Н.Н. Органические категории // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 116-124.

Эдельсон Е. Идея организма и её приложение в различных сферах знания // Библиотека для Чтения. 1860. № 3. С. 1-26.

Masloboeva O. Global World Outlook // Global Studies. Encyclopedic Dictionary / A.N. Chumakov, I.I. Mazour, W.C. Gay (eds.). Amsterdam-N.Y.: Rodopi, 2014. P. 226-228.

Об авторе:

Маслобоева Ольга Дмитриевна – к.филос.н., доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Россия, 191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, д.21. Научная специализация: история русской философии, фило-софская антропология, методология науки. E-mail: masloboeva.o@inbox.ru.

THE PROBLEM OF SLAVIC SPIRITUAL UNITY IN THE AGE OF GLOBALIZATION

O.D. Masloboeva

Abstracts. *The article reveals the relevance of ethnic identity. This problem has become urgent since the beginning of the XIX century as the result of industrial revolution of the XVIII-XIX centuries, which led to the process of globalization. This process enhances the interdependence of social actors. The complexity of the problem is associated with the need to awaken the Slavic spirit, which is young in comparison with the Western European peoples. Historical youth has exacerbated in the context of Slavic culture the reflection of the worldview transformation, consisting in the need to overcome the mechanical paradigm through the development of the organic worldview.*

Empirical evidence of this reflection came through the holding of Slavic congresses in the XIX – early XX centuries. The special irritation in the western press was caused by the Slavic Congress of 1867 in Moscow scientifically-based on the All-Russia Ethnographic Exhibition. It reflected a transition to non-classical type of rationality related to the development of anthropology. The globalization of human activity has revealed the need to change the mechanical paradigm to the organic one, leading to the transition from the contemplative to the activity type of worldview. This is an axiological aspect of paradigm transition. These processes are reflected adequately in the Russian organicism, which is the conceptual basis of historical need for development of national consciousness through the spiritual unity of the Slavs in the context of organic worldview. Cultural events of the XIX century show that the problem of mutual misunderstanding between Russia and Western European countries has a long history. In this regard, the spiritual and intellectual experience of Russian organicism is relevant. It justifies the significance of the individuality of any social subject for preserving life on Earth. This individuality is rooted in his spirit. In this regard, the task of preserving the young Slavic culture and individuality of the Slavic peoples is significant for overcoming the outdated mechanical paradigm.

Key words. *Slavic congresses, Slavic collections, historical youth of the Slavs, the age principle of history analysis, spiritual unity, national consciousness, mechanical paradigm, organic worldview, the Russian organicism.*

References:

Venevitinov D.V. *Stihotvoreniya. Proza* [Verse. Prose]. Moscow, Science, 1980. 608 p. (In Russian).

Vserossijskaya ehtnograficheskaya vystavka i slavyanskij s'ezd v mae 1867 goda [All-Russian ethnographic exhibition and Slavic Congress in may 1867.]. Moscow, University printing House (Katkov and K.) on Strastnoy Boulevard, 1867. X. 470 p. (In Russian).

Kant I. *Antropologiya s pragmaticheskoy tochki zreniya. Soch.v 6 tt. T.6.* [Anthropology from a pragmatic point of view. Com. 6 vols., Vol. 6]. Moscow, Thought, 1966. C. 349-588. 1966 (In Russian).

Losskij N.O. *Mir kak organicheskoe celoe* [The world as an organic whole]. *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow, Pravda Publishing House, 1991. pp. 335-480 (In Russian).

Masloboeva O.D. *Rossijskij organicizm i kosmizm: teoriya, metodologiya, mirovozzrenie* [Russian organicism and cosmism: theory, methodology, Outlook]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki - Historical, philosophical, political and legal Sciences, cultural studies and art history. The theory and practice*, 2014, no. 10-3 (48). pp. 132-138 (In Russian).

Odoevskij V.F. *Russkie nochi* [Russian nights]. Moscow, Science, 1988. 317 p. (In Russian).

Pervyj Vseslavjanskij s'ezd v Rossii: Ego prichiny i znachenie: v 4 otd. [The first all-Slavic Congress in Russia. Its causes and significance of the Russian Slav] / Sost. Russian Slavs. Moscow, Typography Shuman and Glushkova, 1867. [2], XVIII, 178 p. (In Russian).

Sakulin P.N. *Iz istorii russkogo idealizma: Knyaz' V.F. Odoevskij. Myslitel' – pisatel'. T. 1* [From the history of Russian idealism. Prince V. F. Odoevsky. The writer - thinker. Vol. 1]. Moscow, M. and S. Sabashnikov, 1913. Vol.1. Part 1. VI, 616 p. (In Russian).

Slavjanskij sbornik. Tom pervyj [The Slavic collection.The first volume]. Saint-Petersburg, 1875. X, 632 p. (In Russian).

Slavjanskij s'ezd v Prage v 1848 g [The Slavic Congress in Prague in 1848]. Saint-Petersburg, 1860. 49 p. (In Russian).

Strahov N.N. Mir kak celoe. Cherty iz nauki o prirode [The world as a whole. The traits of the natural Sciences]. Saint-Petersburg, Printing house br. Panteleevs, 1892. XXVI, 582 p. (In Russian).

Strahov N.N. *Organicheskie kategorii* [Organic categories]. *Voprosy filosofii - Questions of philosophy*, 2009, no. 5. pp. 116-124 (In Russian).

Ehdel'son E. *Ideya organizma i ee prilozhenie v razlichnyh sferah znaniya* [The Idea of the Organism and its application in various fields of knowledge]. *Biblioteka dlya CHteniya - Library to Read*, 1860, no. 3. pp. 1-26 (In Russian).

Masloboeva O. *Global World Outlook. Global Studies. Encyclopedic Dictionary* / Edited by A.N. Chumakov, I.I. Mazour, W.C. Gay. Amsterdam – New York: Rodopi, 2014. pp. 226-228.

About the Author:

Olga D.Masloboeva – PhD of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy, St. Petersburg State University of Economics.Russia, 191023, St Petersburg, Sadovaya str., 21.history of Russian philosophy, philosophical anthropology, methodology of science.
E-mail: masloboeva.o@inbox.ru.